

18+ Любовь Карпенко

Лживая осень

Сборник рассказов

Любовь Карпенко
Лживая осень.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19052935
ISBN 9785447490195

Аннотация

В книге описаны реалистичные события. Несколько историй из жизни малышей. Имена героев изменены, совпадения случайны. Простые сюжеты читаются легко.

Содержание

Веня. Последняя гастроль	5
Самец	11
Лживая осень	18
Больничные истории. Сашка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лживая осень
Сборник рассказов
Любовь Карпенко

© Любовь Карпенко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Веня. Последняя гастроль

Веня, мужичок лет пятидесяти, проснулся поутру с чувством какой – то неудовлетворённости. Снился ему сон чудесный. Будто гулял он по ночному песочному пляжу в сопровождении очень красивой молодой блондинки. У блондинки были роскошные волосы, спускавшиеся почти до самой талии, а сама талия была настолько тоненькой, что ей позавидовала бы любая оса. А чего стоили глаза этой красавицы! Таких глаз Веня никогда не видел ранее, да и теперь навряд ли увидит. Он обнимал блондинку за талию, притягивая хрупкое тело к себе, а блондинка закрывала глаза и томно вздыхала. Песок был ещё тёплым, они лежали на нём и смотрели в ночное небо, усыпанное крупными звёздами. И только Веня собрался соблазнить блондинку на близость, как проснулся от того, что его попугай заорал громким голосом гимн Советского Союза.

Веня потянулся в кровати, закрыл глаза и пытался нагнать дремоту, чтобы дофантазировать чудесный сон. Но попугай настойчиво бубнил гимн и отогнал Венину дремоту прочь. Надо было вставать и кормить назойливую птицу. Веня нащупал ногами домашние тапки, засунул в них ноги и прошлёпал к тумбочке, на которой стояла клетка. Обозвав попугая глупой птицей, насыпал корм в блюдечко. Попугай за-

кивал головой, затем покосился на Веню и сказал: « Жрать хочу! ». Веня тяжело вздохнул, потом подумал о том, что это он сам научил попугая подобным словечкам. Попугая ему подарили родственники, после окончания медицинского института. А Веня в ту пору был молодым и ещё совсем неженатым. Попугай тоже был молодым и совсем не хотел обучаться языкам. Он долго молчал, на все просьбы Вени сказать хоть словечко, просто шипел в ответ и поворачивался к хозяину хвостом.

Учили говорить попугая и друзья Вени. Особенно после того, как было выпито немереное количество пива и съедены горы сушёной рыбы. Попугай во время таких вечеринок сидел, нахохлившись в углу клетки, с закрытыми глазами и признаков жизни не подавал. Ребята старались его развеселить, называли ласковыми словами, но птица держала свою позицию и заинтересованности не выказывала.

Но в один прекрасный день, Веня вернулся домой после трудового дня и услышал из прихожей мужской голос с хрипотцой, который доносился из зала. Веня оторопел от неожиданности, притих и прижимаясь к стене, стал двигаться в сторону комнаты. Из – за приоткрытой двери был слышен какой – то странный монолог, голос повторял набор отдельных фраз, менял интонации, потом вдруг запел гимн. Веня дверь ещё немного открыл, осторожно просунул голо-

ву в образовавшуюся щель и... никого не обнаружил. Вошёл в комнату, постоял, покрутил головой и только после минут пяти глубокомысленного раздумья сообразил, что источником голоса мог быть его попугай. Птица сидела в клетке на шесте, повернувшись в сторону окна и что – то с любопытством рассматривала в голубом небе. Когда дверка клетки открылась, попугай с важным видом из клетки вышел и напрямик направился к зеркалу. Долго крутился, поворачиваясь то одним боком, то другим. Потом расправил крылья, задрал важно голову и произнёс: – « Красивая птичка! ». И с того дня не стало покоя в доме Вени. Птица всюду совала свой клюв. Любопытное создание словно проснулось после долгой спячки и старалось наверстать упущенное. Пришлось покупать на рынке большой платок и накрывать клетку, иначе невозможно было заставить замолчать говорливую птицу.

Попугай доедал корм, а Веня снимал с плиты горячий чайник. Немного кофе не помешает, пора было заняться делами. Часа через два придёт с работы супруга, а в доме нет хлеба. Хорошо, что магазин находится рядом, можно сбегать в домашней одежде, никто и внимания не обратит. На дворе лето, пляжный сезон, все ходят в майках и шортах, как и заведено в маленьких южных городках. Веня кофе выпил, взял сетку, прихватил пакет с мусором и как был в шортах и тапочках на босу ногу, вышел за дверь.

Искали Веню трое суток. Жена поставила на ноги весь коллектив скорой помощи, в котором они трудились вместе уже долгие годы. Обшарили все больницы и все морги, обзвонили всех знакомых. Шокировало то обстоятельство, что Веня ушёл из дома почти голый. Его супруга пересмотрела всю одежду. Недоставало из гардероба Вени только шорт и домашних тапочек.

На вторые сутки Вениной отлучки, её посетила мысль, что с супругом ничего дурного не случилось и он жив и здоров. Могло произойти совсем иное, но разглашать свои домыслы она не спешила, решила подождать. Её муженек мог взяться за старое, хорошо забытое с её помощью. Но говорят: – «Седина в голову, бес в ребро».

Появился Веня на работе через трое суток, живой и здоровый, но вид имел потрепанный и слегка помятый. Жена его встретила на лестнице, оценила обстановку и треснула Веню по уху. Веня быстро ретировался в сторону диспетчерской, где поутру перед сменой всегда был народ, чем и спас себя от возмездия со стороны законной супруги.

А случилось вот какое дело. Когда Веня вышел из парадной с вполне нормальными намерениями добраться до магазина и вернуться к приходу супруги со свежим хлебом, то за спиной услышал голос своей старой знакомой. В молодости, когда Веня был светловолосым красавцем и выделялся

статью среди своих сверстников, у них было что – то вроде любви. Но Валентина была девушкой с норовом, и после очередного взбрыкивания в адрес Вени, они здорово разругались. Тут – то, во время очередной заминки в их отношениях на горизонте появилась красавица Марина, впоследствии, причем очень быстро, ставшая женой Вени. Валентина недолго страдала и нашла себе офицера, за которого замуж и вышла. Но замужество было недолгим, офицер уехал служить на север, а Валентина осталась в своём южном городке и жила в одном районе с Веней. Она и на работу устроилась на скорую помощь при его содействии. Они оставались просто друзьями, а их интимные отношения остались в прошлом.

Но в это утро Веню, словно бес попутал, когда он увидел Валентину. То ли сон сказался, то ли старые воспоминания нахлынули. Веня гладил свой выпирающий упругий животик, слащаво поглядывал на Валентину и в результате напросился в гости, чайку попить. За чаем вспоминали свои юные годы, потом чая для воспоминаний не хватило, решили разбавить выпитый сладкий напиток водочкой. Понравилось. Водочка не заканчивалась три дня.... Валентина на крыльях летала в перерывах между сладострастными объятиями любовника в магазин, предварительно успев позвонить своей знакомой докторице, и упросив ту, оформить больничный лист дней так на пять. Но Веня не рассчитывал

на пятидневную нагрузку, видать здоровье было уже не то, что в годы молодые, и сбежал под утро четвёртого дня.

Рассказал он своё приключение мужикам на скорой, а те, как сороки, разнесли по всему коллективу. Над Веней долго потешались, но он ходил с гордо выпяченной грудью, или животом, потому что это было давно уже одним целым и хорошо очерченных границ не имело.

Жена его, Марина, оказалась женщиной с юмором, Вене всё простила. А его загул называла последней гастролью и говорила, что когда такого добра в доме стало много, тонко намекая на расплывшуюся Венину комплекцию, то им и поделиться не жалко.

Самец

– Нет, ну ты посмотри, какая сволочь! Гад – то какой! Всё бы тебе только пакостить, мерзость бесхвостая! Мало тебе достаётся от меня! Я тебе шерсть- то твою всю повывёртываю, вот только мне попадись!

Вот уже несколько недель утро зоопарка начиналось с воплей негодующей бабы Мани, работающей санитарочкой в ветлечебнице. На её крики сбегались все служители, посмотреть, что же случилось на этот раз. Впрочем, все загодя знали, что могло послужить причиной негодования бабы Мани.

Покоя в зоопарке не стало с тех пор, как в просторный вольер с орангутанами, подселили пятнадцатилетнего самца по кличке Лорд. Это по паспорту. Но служащие зоопарка дали ему другую кличку – Репа, поскольку башка этого дистрофичного орангутана напоминала своей формой этот корнеплод.

Репа оказался на редкость гадливой обезьяной, и совершенно не хотел принимать устоявшихся правил стаи, давно уже живущей на территории зоопарка.

Репу ещё малышом вывезли с острова Борнео в Герма-

нию, там он попал в руки состоятельно бизнесмена, который и поселил его на территории своей усадьбы, построив для него шикарный вольер. Но у малыша вскоре обнаружился скверный характер, и хозяин решил избавиться от подарка, который приносил много хлопот. Дав объявление в Интернете, вышел на зоопарк в России, который был готов принять молодого самца орангутана. Сам же его и вывез, собственноручно передав Репу в надёжные руки, и десять раз перекрестился.

Два взрослых самца, четыре самочки и три детёныша, одному из которых было только пять месяцев, постоянно страдали от диких выходок злобного Репы. Завидев несуразного новичка, стоя, обычно держащаяся вместе, разбегалась в разные стороны, по отдельности ища себе укрытия. Маленькие испуганно жались к мамкам, вцепившись пальцами в их шерсть.

Самцы пытались отвлечь Репу и издавали громкие визгливые звуки. Но Репа, не обращая внимания на самцов, пытался догнать самку, даже если на ней висел детёныш. Если ему это удавалось, то он пытался овладеть самкой насильно, и часто во время таких домогательств, детёныш сбрасывался рукой Репы на землю. Самки сопротивлялись, и даже больно кусали Репу.

Первым этот беспредел заметил служащий Пётр Миха-

лыч, который убирал территорию вольера. Он никогда раньше не замечал, чтобы обезьяны вели себя так обеспокоено и разбегались испуганно по территории вольера. Затем он увидел убегающую от Репы самочку Лею с испуганным малышом, вцепившимся в её шерсть. Пётр не боялся орангутанов живущих в зоопарке, все они все были настолько миролюбивы, что с ними никогда не было проблем. Поэтому он поспешил на помощь Лее, боясь, что она в спешке выронит детёныша и тот может пострадать. А Лея забилась в угол вольера и оскалилась на Репу. Репа уже тянул руку к детёнышу, когда получил метёлкой по башке сзади. Он не ожидал нападения, поэтому отпрыгнул в сторону и быстро ретировался, огрызаясь на ходу и строя страшные рожи Михалычу.

Да только на Михалыча его рожи не произвели должного впечатления, которое ожидал Репа. Каких только рож ему не строили обитатели сего приюта! Михалыч погрозил вслед Репе метлой и взял на руки малыша. Лея успокоилась, вышла из угла, и они втроём двинулись к белому приземистому корпусу для служащих. Михалыч часто играл с малышом Леи, и самка ему спокойно доверяла своего детёныша.

А на следующее утро, выметая территорию вольера, Михалыч заметил, что нагажено было по всем углам, чего раньше никогда не происходило. Обезьяны были приучены справлять свои дела в одном месте, где постоянно всё убиралось, и подобное безобразие было воспринято, как ката-

строфа. Михалыч долго и громко возмущался, поскольку можно было вляпаться в испражнения не только служащим, но и обитателям вольера, после чего их надо будет всех перемыть, на что уйдёт уйма времени.

За Репой стали присматривать. И он на некоторое время затаился и большую часть времени сидел в тени большого клёна, который рос у задней стены вольера.

– Сидит гад, наблюдает. Вон, поглядите, глазами так и зыркает по сторонам. И что ему неймётся, обезьяну бесхвостому? И накормят, и напоят, и самую большую корзину ему притащили, чтоб спал, гад кривоногий, и не шарил по вольеру, так нет же, только и видно, как зад его то тут, то там мелькает. Ходит всё, вынюхивает, Штирлиц хренов! А вчерась ведра все намыла, начистила, да у порога на солнышко поставила сушиться. Так этот паразит во все ведра травы напихал, а в одно ещё и помочился сверху. Подхожу ведра забрать, а от них мочой несет за версту. А этот рядом крутится. Так я тряпку взяла, да по уху ему и съездила. – Баба Маня закончила словесную тираду и удалилась в корпус, прихватив высохшие вёдра.

Михалыч вышел на территорию, на смену бабы Мани. Он уже успел пообедать, пора было и бабу Маню отпустить на перерыв. Сел на скамеечку, и зажмутив глаза, подставил

лицо солнышку. Задремал. Проснулся от воплей обезьян, доносившихся от дальней стены вольера. Схватив метлу, Михалыч поспешил к месту переполоха и обнаружил страшную картину.

Репа стоял на одной ноге, другой упёрся в стену вольера. В его руке был двухгодовалый детёныш самки Клео, которого Репа держал за ногу. Он размахивал детёнышем со стороны в сторону, словно тряпичной куклой. А испуганная Клео жалась к стене и истошно вопила. Рядом прыгали и кричали самцы, пытаясь отвлечь Репу и забрать малыша. Но Репа скалился всей пастью и грозно рычал, выворачивая губы. Голова малыша скользила в нескольких сантиметрах от стены и Михалыч, подойдя поближе к воинствующему самцу, пока того отвлекали другие самцы, оттолкнул Репу от стены. Самец отпрыгнул в сторону и выпустил малыша. Детёныш упал и больно ударился о лежащий на земле обрубок ствола дерева. Михалыч несколько раз огрел Репу метлой, после чего тот спешно ретировался с места перепалки.

У детёныша было сломано запястье, и малыш тихонько скулил, обхватив рукой больное место.

Михалыч, схватив малыша, побежал в лечебницу. Клео поспешила за ним. Пока детёныша осматривала Катюша, молодая ветврач, Клео сидела в углу на стуле и с беспокойством поглядывала на стол, где лежал её малыш. А баба Маня при-

несла Клео банан, чтобы хоть как – то отвлечь переживающую мамку.

Репу загнали в клетку. Просидел он там три дня, пока решалась его судьба. Директор зоопарка, прослышав о проделках безумного орангутана, решил вернуть его хозяину. Да не тут – то было! Хозяин наотрез отказался забирать назад тупого самца. Поклялся, что за причиненные хлопоты, переведёт в фонд зоопарка крупную сумму.

Долго совещались, после чего решили лишить Репу возможности воспроизводить себе подобных. Выхода из сложившейся ситуации больше никакого не видели. Если его оставить в вольере полноценным самцом, то он вскоре перекалечит всех малышей и насмерть запугает самок. Такая необузданная похоть среди этого вида обезьян встречается редко даже на воле, и таких самцов обычно изгоняют из стада. Они становятся одиночками и дичают. Встретить такого самца не приведи господь, они опасны и не предсказуемы.

Операция прошла спокойно и длилась не долго. После чего Репу положили в отдельную клетку, отходить от наркоза. Он ещё неделю отлеживался, и его выпустили в вольер. Репа долго сидел в тени дерева, наблюдая за самками. После была попытка побежать за самочкой, но на половине пути Репа остановился, как – то удивлённо посмотрел по сторонам

и пошёл искать пустую корзину. Он долго перебирал корзины, потом нашёл побольше размером, вытряхнул из неё траву, и завалился в неё, выставив на солнышко живот и свесив кривые ноги через края.

Репа остался жить в зоопарке. Его похотливость бесследно исчезла, он стал спокойным и сонливым, разжирел и перестал помещаться в самую большую корзину. Сердобольная баба Маня где – то раздобыла специально для него большое корыто и обшила его старым одеялом. Репе корыто понравилось.

Подросшие малыши перестали бояться хулиганистого самца и уже не сторонились, когда Репа прогуливался по вольеру. А Михалыч частенько присаживался на край корыта, в котором лежал его бывший недруг, угощал его бананом и заводил с ним разговор о жизни. А Репа засыпал под рассказы Михалыча.

Лживая осень

Ещё вчера, гуляя по улицам города, Сергей удивлялся осени, небывалой, бережно хранившей зелёную листву в густых кронах деревьев. Ничего подобного в этих краях ещё ни случилось и, обычно к приходу ноября, деревья стояли нагими и с почерневшими стволами. И от этой пышной зелени было как – то не по себе, будто перепуталось время, и всё вокруг было нереальным.

Если всё в природе идёт обычным ходом, то по всем приметам должна была грянуть жёлтая пора, играющая солнцем на листьях, привычная в своей восхитительной красоте, тёплая, наполняющая душу щемящей тоской по прошедшему лету. Но осень сеяла непрерывными дождями, стояла лужами на асфальте, дула порывисто холодом и прятала солнце в серых холодных тучах.

Сегодня же, возвращаясь с работы, Сергей увидел голые, почерневшие стволы деревьев и не верил своим глазам. Всё случилось быстро, как бывает только в кино. Ночью грянули заморозки, утром подул шквальный ветер, а дворники сделали своё дело за день, убрав опавшую листву. И не было в этой осени красоты, а были только обманутые ожидания прекрасного перед долгой зимой.

Ещё вчера он был на седьмом небе от свалившегося на него счастья. Наконец – то он встретил ту, о которой мечтал долгие годы! Вот уже целую неделю он пребывал в приподнятом настроении. Вечерами он летел на машине встречать её с работы, по пути заезжал в цветочный киоск и выбирал самые красивые розы и улыбался, вспоминая, как она радовалась цветам. Всю дорогу она ворковала о счастье находиться рядом с ним, обещая ему долгую и счастливую совместную жизнь.

Он кормил её заботливо приготовленным вкусным ужином, смешил забавными историями из жизни, мыл посуду и готовил постель.

Он любил её так, как никогда и никого не любил. А она стонала в его объятиях и шептала его имя.

Ещё вчера, после пылких объятий, она клялась ему, что ей никогда и ни с кем не было так хорошо и спокойно. Делилась с ним своими горькими воспоминаниями из прошлой жизни, говорила, что не хотела бы больше испытывать ничего подобного. Она мечтала о совместной поездке к своим родителям, чтобы познакомить их со своим избранником.

Сегодня, возвратясь с работы, Сергей, как обычно, приготовил ужин, и уже было собрался ехать встречать своё сча-

стве, как зазвонил сотовый. Она просила не торопиться и сослалась на неотложные дела, сказав, что доберётся домой сама, и просила его не волноваться.

Он прождал до одиннадцати, потом появилось странное и неприятное предчувствие обмана. В начале двенадцатого, дверь квартиры распахнулась, вошла она и её бывший сожитель. Он, как ни в чём ни бывало, снял обувь и прошёл в её комнату. Обескураженный Сергей стоял в коридоре и смотрел в глаза своей любимой. А она смотрела на него и улыбалась широкой улыбкой. А в глазах была ничем не прикрытая ложь.

Больничные истории. Сашка

В ту зиму, травматологическое отделение больницы было перегружено. Больные лежали не только по палатам. Пришлось собирать дополнительные койки и выставлять их в широкие и длинные коридоры отделения.

Основной контингент больных состоял из старичков, детей и, конечно, сильно пьющих мужичков.

Детей отделили и разместили на втором этаже корпуса. Но одного, двенадцатилетнего «подрывника – мазохиста» пришлось отправить во взрослое отделение. С детьми его оставлять было нельзя, дабы невзначай, не стал делиться он с детишками своим опытом подрывной деятельности. Пациент этот, поступал в отделение с такой регулярностью, что всем становилось тошно, когда видели его смеющуюся рожицу в обработочной. На сей раз, это была уже девятая ходка в травму. Его белобрысая голова была практически без волос, остался только кусочек чуба и клочок волос уцелел на затылке. Руки, ноги и туловище были в мелкоточечных ожогах, на его лице остались не задетыми только нос, губы и глаза.

Обрили мы его наголо, перевязали, как мумию, на эту «мумию» надели семейные трусы, чтобы резинка не давила и домашние мягкие тапочки, те, что его матушка привезла.

И выпустили в отделение.

Наша «мумия» на месте не сидела. Сашка мотался по всему отделению, лез во все палаты. Гнали мы его отовсюду, но пацану было скучно, и он стал к нам приставать. То помочь больных покормить напрашивался, то просто сидел рядом и травил свои страшилки. Знали мы все его повадки, поэтому отправляли мальчишку в ординаторскую и включали ему телевизор. Сашка надолго затихал.

Лежала в отделении старенькая женщина, лет ей было восемьдесят девять, когда она поступила, а пока у нас лежала, все девяносто и стукнуло. Бабуля лежала с переломом шейки бедра. Диагноз, я вам скажу, тот ещё. Несмотря на возраст, больную прооперировали, сердечко у неё было крепенькое. А после операции родные отказались старушку домой забирать. Но кости срастались хорошо, и бабулю решили оставить до полного выздоровления, а затем научить ходить.

За время пребывания в стационаре, у больной сильно испортился характер. Стала она донимать своих соседок по палате ночными стонами. Днём бабушка спала так крепко, что её не могли потревожить без конца хлопающие двери, ни громыхание каталок по коридорам, когда больных возили на перевязки, ни разговор самих больных и обслуживающего персонала. Нянечки, убирая палату, гремели ведрами и сту-

лями, а бабушка спала. Просыпалась она поздно вечером, съедала дневную порцию остывшей еды и, покрутив головой по сторонам, начинала громко стонать. То нянечка нужна, то сестричку позовите, то доктора надо срочно увидеть, да поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.